

Аполлинария ПАСКЕВИЧ,
учитель литературы,
Санкт-Петербург

Лесное чувство Афанасия Фета

Говоря о поэзии Афанасия Фета, всякий филолог, равно как и всякий прилежный школьник, наверно, отметит две вещи: во-первых, слияние в ней тем природы, любви и поэзии, их полное – до отсутствия различения – переплетение; во-вторых, её тесную – до замкнутости – связь с русским усадебным бытом... Ю.М. Лотман писал: «...Фет воспринимает природу, непосредственно окружающую его оседлый быт, его дом. Его зрение замкнуто горизонтом... <...> Дом поэта составляет центр пространства, природы, которая изображается в его пейзажной лирике. Поэтому в стихах его часты упоминания о том, что поэт созерцает природу в окно». А виден в окно, прежде всего, конечно, сад. Поэтому именно сад становится главным местом действия и одновременно действующим лицом фетовской лирики. Но, разумеется, не единственным. Расходящийся концентрическими кругами вокруг дома мир дворянской усадьбы включает в себя и такие непеременимые составляющие среднерусского пейзажа, как поле и лес, причём роль последнего в поэзии Фета, несмотря на редкость упоминания, важна и своеобразна.

Если мы посмотрим на символику образа леса в мифологии и литературе, то увидим, что в подавляющем большинстве случаев в мифологической картине мира это «чужое» пространство, населённое враждебными людям силами. В христианстве это аллегория хаоса, в том числе и хаоса внутреннего (вспомним хотя бы начало «Божественной Комедии» Данте). Романтики порой изображают лес как стихийное, свободное начало, с которым может слиться герой-бунтарь, разбойник, противостоящий обществу, но и для него это не всегда добрый помощник. Такое восприятие леса как «чужого», хаотического, опасного для обычного человека пространства во многом наследуется и писателями позднейшего времени и может считаться традиционным.

Иным предстаёт перед нами лес в стихах Афанасия Фета. Для поэта он – продолжение сада, его заветная чаща, часть «своего», а не «чужого» пространства. Лес у Фета совсем не страшный. Его темнота и таинственность, несомненно, глубже темноты и таинственности сада, но эта глубина не пугает, а увлекает и вовлекает.

Неоднократно отмечено, что лирический герой Фета – человек, находящийся в гармонии с природой. Поэзия становится противовесом драматическим коллизиям жизни: слишком большую дань отдал Фет существованию в жёстких рамках, всему условному и социальному, потому песни его – о любви, ко-

торая рамок не знает, и о полном слиянии с природным миром, заставляющем воскликнуть: «И никак я понять не умею, // На цветах ли, в ушах ли звенит» («Пчёлы»).

Кстати, в этом удивительном фетовском шедевре, тремя короткими строфами со всей полнотой передающем эротическое томление человека и весенней природы, есть упоминание о лесе, которое может показаться беглым, сделанным между делом. Однако это не так.

Появляется оно вслед за явно «садовым» образом сирени:

Дай хоть выйду я в чистое поле
Иль совсем потеряюсь в лесу...

Словосочетание «потеряюсь в лесу» звучит стереотипно, практически как клише, однако имеет у Фета нестандартное значение. Потеряться, заблудиться в лесу в прямом смысле слова – страшно даже опытному охотнику (вспомним начало «Бежина луга» Тургенева). Но Фет, естественно, подразумевает другое: внутреннее – до потери своего «Я» – слияние человека с природой, причём природой не организованной, не ограниченной, не социализованной, как сад, а стихийно-свободной и безграничной.

«Смело можно сказать, что на русском языке ещё не бывало подобного изображения весенней неги, до-